

Бэлла Пак

БЕСЕДА С КНЯЗЕМ Н. Д. ЛОБАНОВЫМ-РОСТОВСКИМ

об американском периоде жизни, путешествиях, национальной кухне, жизни в Оксфорде, здоровом питании (24.01.2020)

Б. П.: Никита Дмитриевич, хотела бы поговорить о том, какие для Вас были самые важные годы в жизни? Самые значительные изменения?

Н. Д.: Самые важные годы в моей жизни были и в ней произошли изменения, когда я эмигрировал в 1953 году из одной политической системы и очутился в другой, где пришлось развивать другие навыки, другой подход к жизни. От скрытой и лживой к открытой и свободной. Со временем и с возрастом, пока я проживал на Западе, у меня появились внутренние изменения, как например, толерантность.

Б. П.: В каком возрасте развилась толерантность?

Н. Д.: Постепенно проявлялась, начиная с сорока лет.

Б. П.: Судя по Вашей биографии, Вы были очень активны в молодости.

Н. Д.: Да, я жил очень активной жизнью. Я на тридцать процентов работал больше, чем мои коллеги. У меня было очень много энергии и воли для того, чтобы «вкалывать». Воля родилась через спорт. Я научился заставлять себя работать. Например, полёт из Европы в Сан-Франциско, как Вы знаете, занимает одиннадцать часов. Я всегда летал первым классом. На «Boeing 747» на верхнем этаже есть салон, где можно сидеть и работать. Все свои отчёты я писал в самолёте. Приехав на работу, я сдавал отчёты машинистке и тут же включался в текущую работу. В отличие от коллег, которые выпивали на халяву и тусовались в самолёте. Вернувшись, проводили целый день в написании отчётов. Так что я мог работать и в ресторане или в поезде. Была способность выключиться и сосредоточиться.

Б. П.: Это, и правда, неординарное явление: после двадцати часов нахождения в самолёте и смены часовых поясов даже самые стойкие нуждаются в длительном отдыхе и восстановлении. Ведь циркадные ритмы организма очень нарушаются при таком неестественном образе жизни.

Н. Д.: К счастью, когда летишь на запад, утром вставать легко. Зато вечером рано тянет ко сну.

Б. П.: Можно ли сказать, что этот период был, наверное, пиком Вашей карьеры в банковской сфере?

Н. Д.: Да, несомненно. Когда я переехал в Лондон, ритм работы снизился, как и диапазон деятельности.

Никита Дмитриевич (справа).

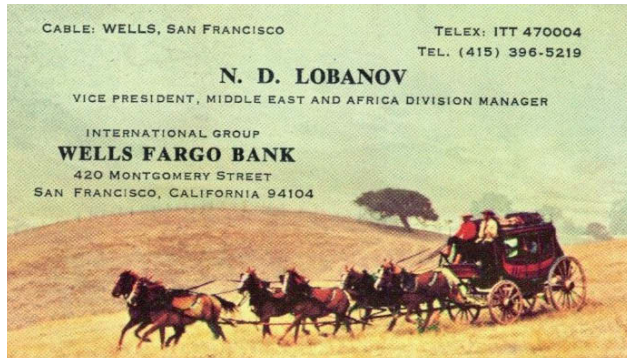
Подписание соглашения о долгосрочном кредите алжирской нефтяной компании Sonatrach. 1971 г.

Б. П.: Не могли бы Вы рассказать о Вашей работе?

Н. Д.: Работая в банке, я способствовал одалживанию денег государствам и компаниям. В 1960–1970-х годах США были экспортёрами капитала. На подобие Китая сегодня. Европа и Восток развивались. Им нужны были деньги для финансирования развития. Мне повезло быть «ростовщиком в эту эпоху», я занимался востребованным делом. В Алжире мы финансировали закупку зерна из Соединённых Штатов. В Касабланке (Марокко) – экспорт овощей в Европу. В Каире (Египет) и Хартуме (Судан) – экспорт хлопка в Европу и США. В Анкаре (Турция) – экспорт табака в США и импорт нефти. В Теге-

Поездка в Буэнос-Айрес. 1960 г.

Визитка. 1974 г.

ране (Иран) – строительство стального завода. В Кении – экспорт табака. В Южной Африке – импорт нефти. В Камеруне – покупку американских самолётов. И многое тому подобное.

Б. П.: Конечно, Вы очень много работали. Но ведь были и прелести такой жизни, доступные только очень состоятельным людям?

Н. Д.: Конечно, были. И я с радостью их воспринимал. Но было мало времени ими пользоваться.

Б. П.: Ну, например, где Вы отдыхали? Были ли какие-то излюбленные места? Как Вы проводили время на отдыхе?

Н. Д.: Отдыхали мы так же, как и сейчас. В феврале на тёплом море, на Гавайских и Карибских островах, в Таиланде и Малайзии. В сентябре на море в Европе, в Сардинии, Сен-Тропе, Калабрии. В июле – в горах Швейцарии, в Гштаде, где в это время по вечерам проходит музыкальный фестиваль Менухина.

Б. П.: А у Вас нет ностальгии по тем временам? Это удивительно красивые, киногеничные, даже гламурные времена. По крайней мере, так они видятся нам отсюда. Можно хотя бы вспомнить, как потрясающе выглядели ретростюардессы компании «Pan-American». Исключительно привлекательные, с широкой улыбкой, у них были элегантные наряды, они заботились о том, чтобы ваше путешествие стало незабываемым.

Н. Д.: Удобство дальних рейсов на PanAm незаменимо. На ночном рейсе из Тегерана в Нью-Йорк можно было спокойно заниматься интимностью. Стюардесса даже поправляла одеяло, если оно упало во время деятельности. Ностальгии нет, ибо из-за возраста тот образ жизни мне недоступен.

Б. П.: А Вы не скучаете по той жизни, когда Вы были помощником вице-президента Bache & Co в Нью-Йорке, вице-президентом Wells Fargo Bank в Сан-Франциско, а также возглавляли его отделения в Европе, на Ближнем Востоке и в Африке? И в Ваших руках была сосредоточена огромная власть и возможности влиять на события в мире.

Джун и Никита. Сен-Тропé, 2010 г.

Никита верхом. Патагония, 1960 г.

*Тедди Доу, князь Никита Лобанов-Ростовский,
сэр Филипп Оппенгеймер*

кратно посещали СССР по делам банка, сотрудником которого Вы были, и встречались с высшими государственными чиновниками страны.

Н. Д.: Да, сначала по банковским делам, а затем семь лет – по алмазным.

Б. П.: Не могли бы Вы рассказать о наиболее запомнившихся Вам делах и встречах?

Н. Д.: Помнится следующий случай, связанный с алмазами. В пятилетнем договоре между Гохраном и «Де Бирс» указывалось, что девяносто процентов произведённых в СССР алмазов «Де Бирс» обязуется покупать по определённой цене. Эта формулировка была необходима при формировании пятилетних экономических планов СССР, из которых правительство точно знало, на какое количество валюты от «Де Бирс» оно может рассчитывать на этот срок. Никакая другая компания не могла бы подписать такой контракт, ибо стоимость алмазов, как и стоимость нефти, резко меняется со временем. Но «Де Бирс», который находился в собственности семьи Оппенгеймеров, мог брать такой риск, ибо им не приходилось отчитываться перед акционерами. Но главное, Оппенгеймеры были монополистами в торговле алмазов, контролировали их стоимость, держа в запасе алмазы стоимостью четыре миллиарда долларов. К тому же «Де Бирс» производил пятьдесят процентов мировой добычи алмазов. Гохран периодически – через свои каналы – продавал алмазы на мировом рынке с целью проверить, платит ли «Де Бирс» им правильную цену. Однажды Гохран уведомил Оппенгеймера, что через месяц-два он продаст на рынке часть своей десятипроцентной доли. Оппенгеймер письменно ответил, что считает решение неразумным, ибо предвидится падение цен на алмазы. Я присутствовал на заседании «Де Бирса» в Гохране, где сотрудники Гохрана сообщили сэру Филиппу, что они потеряли три миллиона долларов на этой сделке. Тим Кейпон, адвокат Оппенгеймера, присутствовавший на совещании, заметил: «Но мы ведь предупредили вас этого не делать». Сотрудники были сконфужены. Сэр Филипп вынул свою чековую книжку и выдал Гохрану в подарок чек на один миллион долларов, говоря, что он очень сочувствует их неудаче и надеется, что его жест поможет смягчить досаду. Когда мы вышли на улицу, я не удержался и спросил сэра Филиппа, почему он им подарил миллион долларов в компенсацию ошибки, которую они сделали против его совета. Сэр Филипп снисходительно улыбнулся и ответил: «Я привык работать с этими людьми в последние пять лет. В основе нашего дела лежит лояльность и долгосрочное сотрудничество. Я не стремлюсь к временным заработкам. Все разговоры на наших заседаниях прослушиваются и потом обсуждаются с начальством. Я бы не хотел, чтобы сотрудники, которые участвовали в этой продаже, были уволены, потому что тогда мне придётся заново налаживать отношения с их заменой».

Б. П.: Видела Ваши фотографии того времени. Вы выглядите на них будто с обложки GQ (журнал для светских мужчин). Консервативный костюм, со вкусом подобранный галстук, чисто выбритое лицо, безукоризненная причёска, волосок к волоску. Выглядите процветающим, как и подобает главе важного отделения ведущего западного банка; само воплощение авторитета, мужественности, энергии, интеллекта и знания рисков. Глядя на Ваши фото того времени, можно прочувствовать корпоративную культуру, в которой Вы жили. Ведь это деятельность, требующая высочайшего профессионализма и колоссального нервного напряжения, что связано с высокими ставками,

Н. Д.: Я не скучаю по интенсивной деловой жизни, ибо насытился этим аспектом бытия. Главное, чем я жил, это собирательство русской театральной живописи. Работа, это было средство для его осуществления.

Б. П.: О каких наиболее запомнившихся и ярких эпизодах из Вашей жизни Вы могли бы рассказать?

Н. Д.: Их очень много. Приезд в Париж в 1953 году. В Оксфорд в 1954-м. В Нью-Йорк – в 1958-м. В Аргентину – в 1960-м. В Сан-Франциско – в 1974-м. В Лондон – в 1979-м. Все эти даты связаны с жизненными эпизодами, описанными в моих предыдущих пяти книгах.

Б. П.: Вы писали, что после 1970 года много-

с необходимостью жёсткого контроля над рисками других людей, с противостоянием своим собственным рискам, не так ли?

Н. Д.: Одалживание банковских денег тогда было одной из наименее рискованных профессий. Решения одалживать крупные суммы делаются коллективно. Основаны на изучении кредитоспособности клиента. Банковские законы обязуют банки не брать необычных рисков. Например, американским банкам не позволяется одалживать клиентам сумму, превышающую десять процентов капитала банка. Конечно, это не значит, что не было случаев, когда в руководстве того или иного банка это правило нарушалось, из-за чего происходила реорганизация банка, чаще всего посредством его покупки либо государством, либо конкурентом.

Б. П.: Но это, наверное, по-своему и очень обольстительный мир с дизайнерскими офисами, клубами, дорогими автомобилями, одеждой, напитками, идеальными корпоративными мирами.

Н. Д.: Да, конечно, это абсолютно так, во всех крупных компаниях и банках. Это минимальная компенсация за «стахановский» труд, который вкладывают высшие руководители банков и корпораций. И конечно же, это реклама благосостояния организации. Например, в штаб-квартире в Сан-Франциско «Bank of America», в высотке, облицованной гранитом, на каждом из пяти этажей, посвящённым отделам пяти континентов, есть маленький музей, отражающий культуры стран этих континентов. В Нью-Йорке в банке «Chase Manhattan» выставялась часть коллекции живописи хозяина Дэвида Рокфеллера, а перед входом стоит большая скульптура Жана Дюбюффе (Jean Dubuffet).

Б. П.: Возглавляя отделения банка в Европе, на Ближнем Востоке и в Африке, Вы массу времени проводили в перелётах, не так ли? Какая Ваша любимая авиакомпания? Какой Вы чаще летали?

Н. Д.: Из Сан-Франциско в Европу и в Азию я летал на PanAm, «Pan-American», рейсом 001. Это был кругосветный рейс. Самые длинные полёты у меня были в Тегеран через Европу – восемнадцать часов. Можно было лететь и на восток через Тихий океан. Полёты в Тегеран обычно были с остановкой в Каире или Бейруте. На этом рейсе можно было выйти на промежуточных посадках, проводить там день-два и затем лететь дальше. Так было, по крайней мере, в те времена.

Б. П.: Речь, конечно же, идёт о знаменитых рейсах PanAm 001 и 002? Я читала, что на рейсах предлагалось поистине роскошное обслуживание, особенно в салоне первого класса.

Н. Д.: В те времена не было политкорректности. Стюардессы были все красивые, не более тридцати лет, элегантные, с прекрасной фигурой и макияжем. Перед взлётом они подавали напитки в белых перчатках. Бортпроводники запоминали имена пассажиров, чтобы обращаться к ним индивидуально. А после взлёта предлагали аперитив, вина и хорошее французское шампанское в серебряном ведёрке для льда на тележке. Представьте, звон льда в хрустальных бокалах. Стол каждого пассажира в первом классе был накрыт индивидуально: матерчатые скатерть и салфетки, серебро, винные кубки, маленькие хрустальные солонки и перчатки.

Б. П.: Это так контрастирует с сегодняшней общей ситуацией, и сервис на борту авиалиний изменился! Гламур, старания сделать путешествие на самолёте незабываемым, к сожалению, теперь в прошлом. Экипажи, как правило, игнорируют пассажиров, кроме как во время подачи еды.

Н. Д.: Да, конечно, массовый авиатуризм радикально изменил стоимость перелётов и соответствующее обслуживание на борту. Сегодня из Стамбула в Лондон можно полететь за сорок пять евро без всякого обслуживания с восьмью килограммами ручной клади. Эта стоимость равняется ужину с вином в среднем ресторане в Лондоне

Никита Дмитриевич. Куба, 2000 г.

Джордж Ассейли и Никита. Бейрут, 1974 г.

Кладбище напротив гостиницы La Sirenuse, Positano. Могила Курбан Сауда. 1995 г.

Ассейли, глава Ливанского союза предпринимателей, хозяин магазина белья «Dome-Tex» и партнёр ливанского банка «Schroeder-Asseilly». Он был женат на Саше, первой супруге сэра Иэна Рэнкина, который был вторым супругом моей теперешней супруги Джун. Мы все дружили, и я у них останавливался на выходные. Второй причиной было то, что в мусульманском мире пятница – выходной день, а в остальном мире выходные – суббота и воскресенье. Мне приходилось терять три дня в Бейруте, вкушая вкуснейшую пищу, общаясь с многонациональной компанией и купаясь в тёплом море. В Каире я всегда останавливался в ныне старой гостинице «Хилтон». Она находится напротив Национального музея. До деловых встреч, с 9:00 до 10:00, я переходил улицу и проводил час в музее. В это время было мало посетителей, и за три-четыре дня я с большим интересом и удовольствием общался с изумительной египетской античностью. Тегеран меня привлекал тем, что там проживало много друзей из Европы, как Амадео де Франкис, шарже д'аффер посольства Италии, большой коллекционер ковров; Франко Серсале, ныне хозяин гостиницы «La Sirenuse» в Амальфи в Италии, коллекционер восточного антиквариата; Джейми Хаусгоу, супруга корреспондента газеты «Financial Times» и сооснователя клуба коллекционеров ковров в Тегеране вместе с художником Парвизом Тановоли и коллекционером Фарманом Фармаяном. Дружеские отношения с премьер-министром Джамшидом Амусагаром дали возможность нам с первой моей супругой Ниной побывать на многих интересных мероприятиях.

Б. П.: 1970-е – это Бейрут в период расцвета, до того как разразилась война. По сохранившимся видео и фото того времени видно, что в своё время это было роскошное место, совершенно неотразимый город, где можно было увидеть массу восхитительных вещей.

Н. Д.: Да, в те времена Бейрут был городом, где отдыхал весь мусульманский мир. Половина населения была арабская, разговорный язык – арабский и французский. Здесь все пожелания плоти были доступны и законны в изобилии. Бейрут – это интересное сочетание. Это город на берегу моря у подножия гор. Зимой в тот же день можно съездить на день на машине в горы покататься на лыжах, после чего спуститься и искупаться в море.

Б. П.: Я слышала, что англичане любили проводить время в Бейруте.

Н. Д.: Да, накануне израильского вторжения 1973 года Ливан был интереснейшим местом. Страна с процветающей экономикой – после достижения баланса между её многоконфессиональным населением – христианами, коптами, шиитами, суннитами, друзьями. Ливан был толерантной страной. Город являлся центром шпионажа на Ближнем Востоке. Там было приятно жить из-за климата, многонациональности населения, вкусной пищи и недорогой прислуги.

Б. П.: А вот, вообще, как Вам кажется, для людей, которые выбирают жить в таких странах Ближнего Востока, как, в частности, Бейрут, – это потребность в адреналине, наверное? Жажда острых ощущений? Нравится оставаться в зоне риска и опасности?

или Париже. Тридцать лет тому назад стоимость такого же авиабилета равнялась месячной зарплате младшего сотрудника банка в Нью-Йорке. Конечно, на рейсах первого класса Турецких или Сингапурских авиалиний или авиалинии «Qatar Air», на который билет стоит в восемь-десять раз дороже, чем билеты туристического класса, проводники стараются угодить пассажирам, непрерывно угощая их напитками и харчами. Из-за политкорректности западным авиакомпаниям невозможно выпендриваться перед пассажирами первого класса – нанимать только красивых стюардесс и уделять персональное внимание и обслуживание пассажирам.

Б. П.: Вы могли, наверное, приземляться в Гонолулу, Токио, Гонконге, Бангкоке, Дели, Бейруте и Стамбуле, прежде чем вернуться в Сан-Франциско? Но чаще вы ходили в Каире, Тегеране и Бейруте? В каких городах подолгу останавливались?

Н. Д.: Да. Я часто останавливался в Бейруте. По двум причинам. Во-первых, там проживал Джордж

Н. Д.: Нет, опасности в те времена в Бейруте не было, было очень приятно жить. И жили из-за того, что те люди, которым нужен люкс, в Европе его не могли даже купить, в отличие, скажем, от Гонконга. Что значит люкс? Нет в Европе гостиницы, в которой вы можете позвонить лакею в три часа утра и попросить его выгладить ваш белый смокинг, потому что вы идёте в игральный зал. Или почистить ваши ботинки в это же время. Люкс существует только в Сингапуре, в Гонконге и, конечно же, в Индии! И для многих, которые любят хорошую пищу и люкс, Бейрут был идеальным местом. Море. А через полтора часа на машине вы в горах, где можно кататься на лыжах.

Б. П.: Красивые женщины, наверное?!

Н. Д.: Обилие красивых женщин разных национальностей! А также и чудная прислуга, и очень хорошая пища. Хозяева хвастались своими дворецкими из Судана.

Б. П.: А пища напоминает турецкую?

Н. Д.: Да, конечно. Весь Ближний Восток и Северная Африка до сих пор основаны на турецкой кухне.

Б. П.: Но турецкая кухня, мне кажется, несколько грубоватая.

Н. Д.: Никак нет. Её кушает вся Северная Африка, весь Ближний Восток и Балканы. Турецкая пища считается одной из четырёх мировых кухонь.

Б. П.: Вы сказали, одна из четырёх, а остальные три?

Н. Д.: Китайская, французская и русская.

Б. П.: У меня была французская поваренная книга. Я удивилась, насколько у нас много блюд из французской кухни. А может быть, это у них от нас?

Н. Д.: Я думаю, что французская кухня повлияла на русскую через нашествие Наполеона. После поражения 1812 года в России осталось огромное количество французов. Как вы помните, дед Александра Бенуа приехал в Санкт-Петербург в качестве повара.

Б. П.: А Вам какая кухня больше всего по сердцу?

Н. Д.: Больше всего мне подходит тайландская пища. Если бы мне нужно было нанять повара или кухарку, я бы нанял тайландского повара.

Б. П.: У них много карри, да?

Н. Д.: В основном это островатая пища, но зато очень разнообразная. Основана на морепродуктах, арахисе, кокосовом орехе и сладковатом соусе.

Б. П.: Я понимаю, что Вы много знаете о здоровом питании. А какие фрукты Вам можно есть?

Н. Д.: Мне можно есть голубику. Потому что сахар в голубике медленно усваивается организмом. Других фруктов я не ем из-за высокого содержания сахара, за исключением кислых зелёных яблок.

Б. П.: А что ещё Вы едите. Например, на завтрак?

Н. Д.: В основном семечки и орехи. Я толку гречские орехи и семечки подсолнуха и тыквы. А иногда и миндаль или лесной орех. Я кладу эту смесь в йогурт с черникой. Обычно я использую нежирный так называемый греческий йогурт.

Б. П.: Понятно. В Болгарии, где Вы родились, йогурт, наверное, очень хороший?

Н. Д.: Болгария – родина йогурта. Он изготавливается на основе закваски из *bacillus bulgaricus*, которые придают ему особые качества для улучшения биома желудка. Так что йогурт – это основа болгарской национальной кухни.

Б. П.: А хлеб Вы едите?

Н. Д.: Нет, не ем.

Б. П.: Вам даже чёрный хлеб нельзя?

Н. Д.: Нельзя. Конечно, ржаной хлеб лучше пшеницы, но оба содержат сахар.

Б. П.: Очень у Вас строгая диета. Но поэтому и прекрасно выглядите.

Н. Д.: Прекрасно бы я не сказал, но, по крайней мере, ещё жив.

Б. П.: Выглядите замечательно. Видела фотографию, которая была сделана пять-шесть лет назад. Вы не изменились совсем. А погода в Лондоне? Похожа, наверное, на московскую летом?

Н. Д.: Нет, здесь очень редко бывает жара. У нас нет, например, кондиционера дома.

Б. П.: Нет необходимости?

Н. Д.: Летом в Лондоне бывает жарко. У нас дом выходит окнами на две стороны – север и юг. Мы открываем окна с двух сторон, и получается сквозняк, который навевает прохладу. С обеих сторон мы окружены деревьями и растительностью, которые дают тень.

Б. П.: Никита Дмитриевич, помню, Вы говорили, что в студенческие годы в Оксфорде от недоедания ходили в чайную, где сахарница стояла на столе, и в чай можно было добавлять сколько угодно сахара. В полной чашке чая можно растворить равное по объёму чашки количество сахара. Это поэтому у Вас диабет?

Н. Д.: Я не знаю, от этого ли. Диабет у меня обнаружили лет двенадцать тому назад. Случайно, когда мне сделали анализ мочи, когда я пошёл записаться в местную поликлинику. Может быть, он был у меня и раньше. Может быть, он появился по следующей причине. Лет двадцать тому назад в газете «Таймс» я прочитал статью на половину полосы, как один английский учёный задал себе вопрос, почему пчёлы не чихают. Они же всё время в пыльце возятся. Он подумал, что, так как мёд происходит из тела пчёл, то, может быть, он содержит то, что позволяет пчёлам иметь иммунитет к пыльце. Он отобрал двадцать студентов. Половине он давал ежедневно большую ложку непастеризованного мёда, а другой половине глюкозу, похожую на мёд. Через три месяца выяснилось, что более пятидесяти процентов студентов, принимавших мёд, были менее подвержены весенним аллергиям. Так как я долгие лета страдал весной от сенной лихорадки, я стал каждый день принимать одну столовую ложку непастеризованного мёда. Его мне приходилось покупать у частников, ибо непастеризованный мёд запрещено продавать в магазинах. За год я навсегда вылечился от весенней аллергии. Но зато, может быть, развил у себя диабет.

Б. П.: Вы же долго жили в Сан-Франциско?

Н. Д.: Четыре года. Сан-Франциско очень красивый город. Расположен живописно. Из нашего дома открывался вид на бухту. После ужина я курил сигару у окна и смотрел на все лодки и корабли в проливе. Чудный вид! Вообще замечательный город. Эстетически там очень приятно жить.

Б. П.: Калифорнию ещё называют «Штат Эйфория». Так как жизнь там нереально хороша.

Н. Д.: Сан-Франциско настолько привлекательный город, что в банке мы получали по крайней мере двадцать заявок в день от людей, готовых работать у нас в Калифорнии бесплатно. Лишь бы было интересное занятие. Как вы знаете, в Сан-Франциско климат и температура почти не меняются с сезонами. Холодный воздух с Тихого океана каждое утро окутывает город прохладным туманом, который поднимается с восходом солнца, унося с собой загрязнённый воздух. Это подобно явлению в Крыму, где вертикальный поток воздуха постоянно чистит атмосферу. В Сан-Франциско не нужно иметь пальто. Из-за этого в международном отделе банка сослуживцы, которые ездили за рубеж, получали добавочные средства на покупку зимней или тропической одежды. Сан-Франциско славится качеством своих двух японских ресторанов, которое равняется высококачественным ресторанам Токио, и обилием разнообразной китайской кухни – от острой из Сезуана до льготной из Кантона. К этому надо добавить первоклассные белые и красные вина, не уступающие ведущим французским.

Б. П.: Я была в Беркли на конференции. Маленький город, но там есть всё. И красивый кампус университетский, и библиотека чудесная. Но есть угроза землетрясения. Люди как-то к этому спокойно относятся. Но я поняла, что Вам не очень там нравилось?

Н. Д.: Всё надо понимать в контексте. Относительно говоря, Сан-Франциско – провинциальный город по сравнению с Нью-Йорком. Потом, все наши друзья были в Нью-Йорке. Нам пришлось создавать новый круг друзей. Для супруги Нины это было гораздо труднее, потому что я был занят целый день, а она не работала. Она потеряла своё место в журнале «Ридерз Дайджест», у которого не было отделения в Сан-Франциско. «Ридерз Дайджест» – самый большой ежемесячный журнал в мире: тираж два миллиона.

Б. П.: А что было, по-вашему, самым сложным в Вашей жизни?

Н. Д.: Побег.

Б. П.: Побег был труднее, чем преодоление себя в Оксфорде?

Н. Д.: Побег был труднее, потому что я зависел от обстоятельств, которые я не контролировал.

Б. П.: Как бы Вы сравнили Оксфорд и Кембридж?

Н. Д.: Оба – старинные университеты. Кембридж – более красивый. В нём акцент больше на науку, чем на гуманитарные науки. В нём больше лауреатов Нобелевской премии. Оксфорд же славится старейшим музеем живописи в Великобритании, богатством библиотек, многонациональной студенческой средой, более удобным и быстрым доступом к Лондону. Как центр гуманитарных наук, он всегда был источником воспроизводства политической элиты Великобритании.

Б. П.: Спасибо Вам, Никита Дмитриевич!